

На правах рукописи

КОСЯШНИКОВ Сергей Анатольевич

**ИНОГОРОДНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ
УКЛАД И ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ
(вторая половина XIX – начало XX века)**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

специальность 5.6.1. – Отечественная история

Майкоп 2023

Диссертация выполнена в ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», на кафедре истории России

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Бегулов Рустам Маратович

Официальные оппоненты: **Гранкин Юрий Юрьевич**
доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии (г. Пятигорск)

Бурыкина Людмила Васильевна
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», доцент кафедры Отечественной истории, историографии, теории и методологии истории (г. Майкоп)

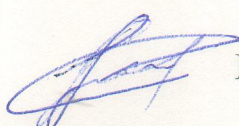
Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»** (г. Ставрополь)

Защита состоится «24» марта 2023 г. в 13-00 на заседании диссертационного совета 99.2.047.03 по историческим наукам на базе ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Жуковского, 15, конференц-зал (ауд. 213).

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» www.adygnet.ru. Текст автореферата также размещен на сайтах ВАК РФ <http://vak.ed.gov.ru>; ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» www.agpu.net; ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева» <http://kchgu.ru>.

Автореферат разослан « » февраля 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Шхачемуков Рустам Махмудович

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. На территории современной Карачаево-Черкесии в результате известных военно-политических, миграционных процессов второй половины XIX в. сформировалось полиэтничное, поликультурное общество, которое, к тому же, делилось на ряд устойчивых социальных групп, обладавших теми или иными ограничениями, привилегиями, противоположными интересами, имевших немало антагонизмов и т.д. Естественно, что в сложившихся условиях межэтническое, межкультурное, социальное взаимодействие в регионе, порой, складывалось непросто, имелся конфликтогенный потенциал, проявившийся в годы революционных потрясений и гражданской войны. В этой связи, на наш взгляд, изучение и научный анализ исторического опыта взаимодействия (как позитивного, так и негативного) различных этнокультурных, социальных групп, политики властей в данном вопросе представляется актуальным и востребованным.

Иногороднее население на территории современной Карачаево-Черкесии, как и в других регионах страны, имело ряд правовых, социальных, экономических ограничений, что детерминировало рост общественных противоречий и социальных конфликтов. В то же время некоторые противоречия даже после исчезновения вызвавших их причин продолжают по инерции проявляться на уровне общественного сознания, а социальные конфликты, их причины и предпосылки могут воспроизводиться в тех или иных формах сообразно новым историческим условиям. Соответственно генезис исторически значимых общественных коллизий выступал и будет выступать предметом научного изучения вне зависимости от той или иной эпохи, исследовательской мотивации, конкретных дисциплинарных целей и задач. Кроме того, подчеркнем, что сам по себе социальный конфликт – неперенный спутник любого общественного организма, что детерминирует перманентные исследования в данной сфере.

Актуальность темы данной диссертации, на наш взгляд, заключается также в том, что мигрировавшее с центральных и южных губерний Российской империи на Кавказ иногороднее население (русское в своей основе) объективно оказало большое влияние на экономический уклад юга страны, в частности на аграрный сектор казачьих и горских областей. Иногородние привнесли значительные новации в земледельческую культуру казаков и горцев, выступили социальной базой для развития ремесленных промыслов, зарождения промышленности на территории современной Карачаево-Черкесии. Полиэтническая группа иногороднего крестьянства стала зачинателем целого ряда экономических отраслей рассматриваемого региона. Изучение данного опыта не потеряло своей актуальности и может помочь в решении проблем аграрного сектора, дать новый толчок для его развития не только в Карачаево-Черкесской республике, но и на всей территории Северного Кавказа.

Изучаемая проблематика имеет также историографическую значимость. Обращение к данной теме детерминировано существованием лакуны, образовавшейся в современной историографии. Речь идет о том, что к настоящему времени пока ещё нет специальных и крупных работ, посвященных как специфической группе иногородних, так и истории славянской (не казачьей) общины на территории современной Карачаево-Черкесии. Кроме того, проведенное исследование может открыть возможности для новых исследовательских направлений (в области социальной, культурной, экономической истории региона), что является одним из важных факторов развития исторической науки.

Степень научной разработанности проблемы. В исследовании социальных, экономических, культурных, процессов среди населения региона Верхней Кубани важное место занимают гуманитарные науки, в том числе история. Историографию изучаемой нами проблематики условно можно разделить на три периода: имперский, советский и постсоветский. Начало более-менее основательной разработки социально-экономического и правового положения иногородних Кубанской области относится к дореволюционному времени, когда начинают появляться довольно основательные труды, содержащие ценные концептуальные материалы.

При этом часть из них была посвящена не отдельно иногородним, а общему процессу колонизации Северо-Западного Кавказа в интересующий нас период второй половины XIX – начала XX в. Основное внимание, как правило, уделялось казачеству, но некоторые из авторов не могли обойти стороной и переселение в регион представителей других сословий¹.

Отдельная глава, посвященная иногородним и крепостным крестьянам, имеется во 2-м томе «Истории Кубанского Казачьего Войска» Ф.А. Щербины². Однако в ней рассматривалась территория Черноморского казачьего войска, к которой не относился интересующий нас регион Верхней Кубани. Тем не менее, в данной работе содержатся ценные для нашей темы общие рассуждения не только о положении иногородних, но и о противоречивости действий региональных властей в отношении них в XIX в. Так, с одной стороны шли приказы об ограничении притока иногородних, а с

¹ Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 1-78; Верещагин А.В. Колонизация Черноморского побережья Кавказа. Живой вопрос наших окраин. СПб., 1878; *Его же*. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и её результат. Доклад на общем собрании императорского Вольного экономического общества 17 января 1885 года. СПб., 1885; Фелицын Е.Д. К истории колонизации Кубанской области // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1885. № 21-23; *Его же*. Краткий очерк заселения Кубанской области (Пояснительная записка к 20-верстной карте Кубанской области) // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1884. Т. 8. № 2. С. 250-284; *Его же*. Статистические таблицы пространства, населенности и сравнительные статистические таблицы численности народонаселения, браков, рождаемости, смертности и естественного приращения населения в Кубанской области за 7 лет с 1871 по 1877 гг. // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1880. Т. 7. С. 537-570; Щербина В.А. Хозяйственно-экономический быт казачьих поселений по бассейнам рек: Пшехи, Пшиша и Псесупса в Закубанском уезде Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Т. 2. С. 1-54; Щербина Ф.А. Колонизация кубанской области // Киевская старина. Киев, 1884. Т. 7. № 2. С. 529-545 и др.

² Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Краснодар, 1992.

другой – явно ощущалась нужда в них, так как они представляли собой необходимую для края рабочую силу и способствовали поднятию его экономического благосостояния. При этом Ф.А. Щербина давал следующее определение группе иногородних: это «стороннее (казачьему) войску русское население», включавшее отставных солдат, рабочих, пастухов и т.п., которых на Кубани в период войны «было очень мало»¹.

Одним из первых авторов, поднявших в дореволюционный период важнейшие проблемы иногородних на уровень широкого общественного обсуждения, был действительный член Кубанского областного статистического комитета Л.П. Мельников². В периодических публикациях он отмечал игнорирование иногородних как класса, что считал ненормальным и предлагал меры по улучшению их правового и экономического положения. В частности, автор исходил из обоснованного убеждения в том, что иногороднему населению необходимо предоставить самоуправление в рамках станичных обществ, на территории которых они расселены.

По сей день информативную ценность сохраняют «Историческая справка об иногородних...», которую составил и опубликовал В. Шамрай³, и работа «Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края» А.И. Шершенко⁴.

Несомненным достоинством работы Л.В. Македонова⁵ является то, что автор, выезжая на места лично, хорошо изучил положение дел ряда населенных пунктов Верхней Кубани (в том числе нагорных станиц – Зеленчукской, Исправной, Кардонинской, Красногорской, Преградной, Сторожевой и Усть-Джегутинской). Помимо значительного объема фактического материала, работу отличает и высокая степень теоретического анализа приводимых эмпирических данных. Для нас важным является недвусмысленное указание автора на то, что в начале XX в. шло неуклонное социальное расслоение в станицах, как в казачьей, так и в иногородней среде, и массовое распространение батрачества.

Работу предыдущего автора в определенной степени дополняет статья К.Т. Живило⁶, руководившего Кубанским музеем. Его интересовал уровень развития сельского хозяйства и промыслов среди населения Кубани (в том числе иногороднего), и в своей работе он, прежде всего, обобщил имевшиеся в его распоряжении статистические данные.

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Краснодар, 1992. С. 829.

² Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1900. Т. 6. С. 73-140.

³ Шамрай В. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлеченным из дел Кубанского войскового архива // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1901. Т. 7. С. 71-175.

⁴ Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края. Вып. I. Кубанская область. Статистический очерк // Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1906. Т. 1. С. 1-138.

⁵ Македонов Л.В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908.

⁶ Живило К.Т. Сельскохозяйственный и промышленный сборник Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Т. 15. С. 499-580.

В рамках исследуемой нами проблемы значительную ценность представляют публикации Б.М. Городецкого¹. В одной из своих статей, посвященных крестьянскому земледелию на Северном Кавказе, он выделил три группы иногороднего населения Северного Кавказа. К первой были отнесены те, кто образовал самостоятельные поселения на казенных, войсковых и купленных участках, превратившись в «коренных жителей»; ко второй – иногородние, прожившие в станицах и получившие там оседлый статус; к третьей – не имевшие оседлости в каком-либо из сельских (станичных, аульных) обществ. Отметим, что типологии, предложенной М.В. Городецким, придерживались и мы в данной диссертации. Кроме того, именно данный автор одним из первых затронул вопрос о русском культурном влиянии на горские народы Кубанской области.

В ряду работ, посвященных, в основном, казачеству, но затронувших и проблему социально-правового неравноправия иногородних, взаимоотношений этих двух групп населения, следует отдельно упомянуть публикацию Л. Тмутараканского². В отличие от многих других авторов он крайне негативно оценивал роль иногородних в крае и фактически призывал лишить их возможности заниматься сельским хозяйством.

Вопросы расселения и особенностей хозяйственной, торговой жизни иногородних в целом по Кубанской области фрагментарно затрагиваются также в ряде работ по экономическому развитию края, по его географии и т.д.³

Следует отметить, что большая часть упомянутых публикаций по сей день сохраняет значимость как прикладном, так и в теоретическом плане.

В довоенные годы советского периода (1920-1940 гг.) тема иногородних крестьян на территории современной Карачаево-Черкесии в историографии практически не освещалась. Хотя в эти годы продолжали выходить работы, затрагивавшие тему взаимоотношений иногородних и казаков, земельно-хозяйственных, арендных аспектов развития крестьянского хозяйства на примере соседних Кубани и Ставрополя⁴. (В

¹ Городецкий Б.М. Развитие крестьянского земледелия на Северном Кавказе в связи с деятельностью крестьянского поземельного банка. Статистико-экономический очерк // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1913. Т. 18. С. 484-485; *Его же*. Очерки по кубановедению // Кубанская школа. Екатеринодар, 1915. № 5.

² Тмутараканский Л. Об экономически-социальном значении поземельного владения кубанских казаков // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. 16. С. 189-262.

³ Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области // Сборник для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1897. Вып. 23.; Иваненко Н.С. Землевладельцы Кубанской области и разделы земель // Известия общества любителей изучения Кубанской области (ИОЛИКО). Екатеринодар, 1902. Вып. 3. С. 117-133; Собриевский А.С. Торговое общество казаков в Черноморском (Кубанском) казачьем войске // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т. 4. С. 1-147.

⁴ Овчинников А.М. Сельское хозяйство Ставропольской губернии в прошлом и настоящем (исторический очерк с 1875 по 1921 г.). Ставрополь, 1922; Малигонов А.А. Краткий географический очерк сельского хозяйства на Кубани в связи с его эволюцией. Краснодар, 1923; Гольденгул И. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. Ростов-на-Дону-Краснодар, 1924; Рождаев П.Н. Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе // Природные условия Северо-Кавказского края и организация крестьянского хозяйства. Ростов-на-Дону, 1925.

этом ряду можно отметить и монографию М.К. Любавского¹, издание которой хоть и относится к 1996 г., но написана она была в конце 1920-х гг.)

Более основательно проблема иногороднего населения, в том числе на территории современной Карачаево-Черкесской республики, стала подниматься в историографии, начиная с 1950-х гг. и в последующие десятилетия. Не обошли вниманием данную проблематику обобщающие издания по истории региона², в которых затрагивались вопросы расселения, хозяйства славянских крестьян, их влияния на местных горцев, а также значительное место в духе того времени отводилось описанию политических (революционных) аспектов общественной жизни крестьянского населения, созданию антиправительственных нелегальных политических кружков в их среде и т.д.

Одним из первых непосредственно к проблеме иногороднего населения вернулся в послевоенные годы В.П. Крикунов³. Он изучал хозяйственный потенциал иногородних, его вклад в развитие северокавказского региона.

Основательно разрабатывала вопрос иногороднего крестьянства на территории современной Карачаево-Черкесии в своих трудах В.П. Невская⁴. В частности, она поднимала вопросы, связанные с взаимоотношениями иногородних и казаков, с общинным самоуправлением, с земельными отношениями и др. Непосредственно историей развития сельского хозяйства в горных районах Кубанской области в интересующий нас период, затрагивая роль иногородних в этом процессе, занимался А.Д. Бесленев⁵. Вопросам развития сельского хозяйства, в том числе иногородних крестьян, уделили внимание П.П. Матющенко⁶ и П.А. Шацкий⁷. Однако эти работы

¹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. ред. А.Я. Дегтярева. М., 1996.

² См.: Народы Карачаево-Черкесии (Ист.-этногр. очерки) / Под ред. П.И. Балтина и М.М. Сакиева. Ставрополь, 1957; Очерки истории Карачаево-Черкесии / Под ред. В.П. Невской. Ставрополь, 1967. Т. 1; Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / Отв. ред. Л.И. Лавров. Черкесск, 1978. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1988; Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма / Отв. ред. А.М. Анфимов. Ростов-на-Дону, 1990.

³ Крикунов В.П. К изучению истории иногороднего населения на Северном Кавказе в пореформенный период // Ученые записки Кабардинского педагогического института. Нальчик, 1953. Вып. 5. С. 183-187; *Его же*. Некоторые вопросы изучения хозяйства горцев, крестьян и казаков: по данным военно-конских переписей (1891-1903 годов) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1976. № 3. С. 93-96.

⁴ Невская В.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института (КЧНИИ) / Отв. ред. Э.А. Джанибеков. Вып. IV. Серия историческая. Черкесск, 1959; *Её же*: Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX века // Труды КЧНИИ / Отв. ред. Э.А. Джанибеков. Вып. VIII. Серия историческая. Ставрополь, 1964.

⁵ Бесленев А.Д. Развитие сельского хозяйства в горских районах Кубанской области в пореформенный период (1868-1900 гг.). Дис. канд. ист. наук. М., 1970.

⁶ Матющенко П.П. Аграрная политика царизма по отношению к иногороднему крестьянству Кубани и Терека (вторая половина XIX - начало XX в.) // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в.: Сб. науч. трудов. Краснодар, 1987. - С. 73-85.

⁷ Шацкий П.А. Заселение Ставрополя после реформы 1861 года и положение крестьян-переселенцев // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1964. Вып. 11. С. 197-214; *Его же*. Землевладение и землепользование в Ставропольской губернии в 70-90-х годах XIX в. // Сборник трудов Ставропольского педагогического института. Ставрополь, 1958. Вып. 13. С. 105-135; *Его же*. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кубани // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 год. Рига, 1963. С. 501-510; *Его же*. Сельское хозяйство

опять-таки касались, в основном, территорий Ставрополья и Кубани. Определенный вклад в историографию вопроса, относящегося к иногороднему населению на Северо-Западном Кавказе, внесли также работы, посвященные общим вопросам экономического, политического, культурного развития региона¹.

Можно сказать, что в освещении проблемы социальной дифференциации сельского населения, в характеристике положения иногороднего населения советская историография региона относительно недалеко ушла от дореволюционных авторов. Её отличал, пожалуй, лишь более выраженный идеологический фон, акцентуация на классовый подход. Относительно слабая разработанность интересующей нас проблемы в советский период объяснялась, на наш взгляд, также тем обстоятельством, что Карачаево-Черкесия входила в состав Ставропольского края. В итоге,

Предкавказья в 1861-1905 гг.: (Историческое исследование) // Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь, 1970. С. 3-320.

¹ Громов В.П. Население степного Предкавказья (Ставропольской губернии и Земли Черноморского войска) в последней четверти XVIII - первой половине XIX вв.: формирование, социальный состав. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1983; Мазеин В.А. Неземледельческие занятия сельского населения Кубани в конце XIX - начале XX вв. // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. науч. трудов. Краснодар, 1987. С. 63-73; Матющенко П.П. Некоторые вопросы земельной политики царизма в казачьих областях Северного Кавказа в пореформенный период (1861-1914 гг.) // Проблемы социально-экономического развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. научных трудов. Краснодар, 1985.-С. 42-51; Мошкович Г.Г. Вопросы развития крестьянского землевладения на Кубани в трудах Б.М. Городецкого (конец XIX - начало XX в.) // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. науч. трудов, Краснодар, 1987. С. 128-139; Ратушняк В.Н. Развитие капиталистического земледелия в Предкавказье в конце XIX - начале XX в. // Вопросы исторической науки. Краснодар, 1969. С. 237-244; *Его же*. Эволюция землепользования и систем земледелия на Кубани (конец XVIII в. - 1914 г.) // Проблемы отечественной истории. М., 1973. С. 208-227; *Его же*. Товарное производство в сельском хозяйстве Кубанской области в конце XIX - начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974; *Его же*. Материально-производственная база земледельческих хозяйств Кубанской области в конце XIX - начале XX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1974. Сб. 8. С. 314-336; *Его же*. Частное землевладение в Кубанской области во второй половине XIX - начале XX в. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1975. № 1. С. 82-87; *Его же*. Развитие производительных сил кубанского земледелия в конце XIX - начале XX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1970 г. Рига, 1977. С. 218-226; *Его же*. Товарно-капиталистическое производство в сельском хозяйстве Кубани в конце XIX - начале XX в. // Исторические записки. М., 1977. Т. 99. С. 183-220; *Его же*. Аграрные отношения на Северном Кавказе в конце XIX - начале XX вв.: Учебное пособие. Краснодар, 1982; *Его же*. Земельная аренда на Северном Кавказе в конце XIX - начале XX в. // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. науч. трудов. Краснодар, 1987. С. 86-110; *Его же*. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX - начале XX века. (К проблеме развития аграрного капитализма). Ростов-на-Дону, 1989; *Его же*. Рост средств производства и товарообмена в сельском хозяйстве Северного Кавказа в конце XIX - начале XX вв. // Проблемы социально-экономического и политического развития Северного Кавказа перед Октябрем / Межвузовский сборник научных трудов. Ставрополь, 1990. С. 3-15; Хуранов Ш.Ш. Развитие торгового тонкорунного овцеводства на Северном Кавказе в пореформенный период // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная культура). Черкесск, 1983. Вып. 2. С. 177-190; *Его же*. Эволюция грубошерстного овцеводства в Кубанской области в пореформенный период // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Сб. науч. трудов. Краснодар, 1987. С. 55-62; *Его же*. Развитие капиталистических отношений в молочном и сыроваренном производстве Северного Кавказа (вторая половина XIX - начало XX вв.) // Проблемы социально-экономического и политического развития Северного Кавказа перед Октябрем / Межвузовский сборник научных трудов. Ставрополь, 1990. С. 69-77; Трехбратов Б.А. К вопросу о формировании сельскохозяйственных рабочих в Кубанской области // Научные труды кафедры истории Ставропольского педагогического института. Ставрополь, 1972. С. 111-138; *Его же*. Сельскохозяйственные рабочие Кубанской области в пореформенный период (1861-1904 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1973 и др.

«русская тема» закреплялась за краевыми научными учреждениями, а автономия концентрировалась на изучении горских этнических групп.

Более активно и, можно сказать, масштабно история иногороднего населения на Кубани стала разрабатываться в постсоветский период. Приоритет в этом направлении принадлежит краснодарским исследователям. В очередной раз поднимая вопрос становления кубанского казачества, основных вех его политического, культурного, экономического развития не смог обойти вниманием проблему нарастания иногородне-казачьего антагонизма И.Я. Куценко¹. Автор отмечает, что нерешенность земельных и правовых коллизий привела к трагическим последствиям после революции 1917 г.

Кандидатская диссертация И.В. Данильченко² рассматривает различные аспекты общественной жизни сельского населения Кубани, включая (в формате одного параграфа) положение иногородних в период между отменой крепостничества в России и началом Первой Русской революции. Характеристики статуса иногороднего населения, по сути, воспроизводят оценки, выдвинутые в дореволюционной литературе. К тому же автор отстаивает верность «марксистских теоретических положений о крестьянстве и его судьбах».

Крестьянство, иногородняя прослойка Северного Кавказа в условиях капиталистической модернизации стали отчасти объектом диссертационной работы А.С. Шепелевой³, посвященной формированию социокультурных и политических интересов населения. По её мнению, главной спецификой социогенеза Северного Кавказа являлась «ведущая роль иногородних» в формировании основных социальных страт и неприятие индустриальной модернизации и связанных с ней капиталистических ценностей практически всеми слоями населения, в том числе казаками и крестьянами.

Проблема положения иногороднего населения Северного Кавказа в процессе рыночной модернизации региона также рассматривалась в 4-й главе диссертации Т.А. Шебзуховой⁴. Отмечая на Кубани большую долю средних и зажиточных хозяйств как у крестьян (свыше 65%), так и казаков (более 68%), автор обосновывает тезис об обеспеченности тех и других слоев населения, успешно адаптировавшихся к рынку в ходе реформ. Т.А. Шебзухова выдвигает тезис о том, что основным процессом в аграрном секторе Кубани было перерастание патриархального крестьянского хозяйства в капиталистическое, что соответствует известному ленинскому определению одного из путей генезиса капитализма.

¹ Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1993.

² Данильченко И.В. Сельское население Кубанской области в пореформенный период: Динамика структуры, общественное и правовое положение 1861-1904 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999.

³ Шепелева А.С. Формирование социокультурных и политических интересов населения Северного Кавказа в начальный период индустриальной модернизации России (1897-1913 гг.). На примере Кубани и Ставрополя. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

⁴ Шебзухова Т.А. Крестьянство Северного Кавказа в условиях рыночной модернизации России 60-х гг. XIX - начала XX вв.: опыт системного анализа. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2002.

Правовые аспекты положения казачества и крестьянства Юга России, специфику юридической составляющей земельных отношений исследовали О.Б. Герман¹ и Г.М. Умерова². Оба автора солидарны с тем, что сложившееся в дореволюционный период положение дел в земельном вопросе не устраивало ни иногородних (воспринимавших казачье доминирование в землевладении как большую несправедливость), ни казачество (с трудом воспринимавшее рыночные отношения из-за устаревших положений о казачьей земле и занятости на военной службе).

Различные сферы торгово-хозяйственной деятельности иногородних на Кубани во второй половине XIX – начале XX в. затрагивала Е.М. Батаева³. Автор делает вывод о том, что именно иногородние занимали «лидирующее положение» в развитии промышленности и торговли региона.

Правовой аспект процесса реализации столыпинских реформ на Кубани на примере крестьянства освещает С.В. Мушегян⁴. По его мнению, к появлению в регионе «значительного слоя частных земельных собственников» привело применение 3-х экономических рычагов, среди которых землеустройство крестьян, деятельность Крестьянского Поземельного Банка, переселение крестьян на пустующие территории.

В диссертации С.Н. Рыбко⁵ освещается деятельность Русской православной церкви (РПЦ) на Кубани в пореформенный период. Но попутно автор рассматривает вопрос о формировании прослойки регионального духовенства, которое формировалось в том числе за счет иногородних, которые даже стали преобладать в нем к началу XX в.

Иногородним из числа греческих переселенцев посвящен ряд публикаций О.В. Юраковой⁶. Она отмечает, что православное вероисповедание явилось ключевым фактором их успешной интеграции в русское этнокультурное пространство Северного Кавказа, но параллельно акцентирует внимание на неразвитости у кубанских греков земледелия и скотоводства.

Вопросы миграции иногородних на Кавказ изучались Л.В. Бурыкиной⁷, которая, как и многие другие авторы имперского и советского периодов,

¹ Герман О.Б. Правовое положение казачества и крестьянства Юго-Востока Европейской России в 1861-1920 гг. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2004.

² Умерова Г.М. Историко-правовой анализ земельных отношений на Юге России в 1861-1918 гг. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

³ Батаева Е.М. Торгово-промышленная деятельность на Кубани в эпоху рыночных преобразований в России (1861-1914 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.

⁴ Мушегян С. В. Правовое регулирование земельных отношений на Кубани в конце XVIII - начале XX века. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.

⁵ Рыбко С.Н. Деятельность Русской Православной церкви в Кубанской области (1860-1917 гг.): управление, церковная жизнь, духовное образование, просвещение. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011.

⁶ Юракова О.В. Немецкие и греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе: сравнительно-исторический анализ (середина XIX в. - 1917 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010; Она же: Греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе (середина XIX – начало XX вв.) // Кубанский сборник. Краснодар, 2012. Т. IV(25). С. 271-291.

⁷ Бурыкина Л.В. Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в 20-е – 50-е гг. XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2006. С. 39-46.

солидарна с мнением об их практически полной бесправности в экономическом и политическом отношениях в годы Кавказской войны.

Продолжил изучение аграрной политики в отношении иногороднего крестьянства также П.П. Матющенко¹, посвятивший этой проблеме немало работ в советское время. Проблему иногородне-казачьих отношений вновь поднимали в своих статьях И.М. Федина², Н.В. Варивода³; а вопрос влияния иногородних на повседневную жизнь казачества затронула также Е.В. Годовова⁴.

Интересующие нас сюжеты также получили некоторое отражение в работах обобщающего характера по истории крестьянства и региона в целом⁵.

Фундаментальной работой стало непосредственное исследование различных аспектов расселения, правового, социального, экономического и прочего положения иногородних в Кубанской области А.В. Беликова⁶. В своей диссертации автор акцентировал внимание на политике центральных и региональных властей в отношении иногороднего населения Кубани, отметив её противоречивый характер, подробно охарактеризовал его хозяйственную деятельность, остановился на социально-демографических характеристиках и т.д. Однако, несмотря на то, что данная диссертация была посвящена непосредственно иногородним Кубанской области, автор фактически построил её в большей степени на географических рамках современного Краснодарского края. Таким образом, Баталпашинскому отделу в данном исследовании внимания почти не уделяется, равно как и вопросам генезиса поселений иногородних на территории Верхней Кубани, их влиянию на хозяйственную культуру горцев и казаков в данном регионе, вкладу в экономическое развитие современной Карачаево-Черкесии и т.д. К тому же хронологические рамки работы не выходят за рамки второй половины XIX в.

Таким образом, наши предшественники заложили определенную базу в деле изучения различных аспектов жизнедеятельности общины иногородних

¹ Матющенко П.П. Переселения крестьян в казачьи области Северного Кавказа в политике царизма конца XIX в // Теория и практика общественного развития. Исторические науки. Краснодар, 2013. №12/2. С. 23-26; *Его же*. Аграрная политика царизма и иногороднее крестьянство Кубани и Терека в период контрреформ в России // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014. № 21. С. 183-186.

² Федина И.М. Кубанское казачество и иногороднее население на рубеже XIX-XX вв. как отражение социальных парадигм кубанской станицы // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2012. № 2. С. 175-177.

³ Варивода Н.В. Русская колонизация Центрального Предкавказья во второй половине XVIII – начале XX в. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Саратов, 2007. № 16(2). С. 139-141; *Её же*. Гражданская колонизация Центрального Предкавказья во второй половине XIX в. // Социально-гуманитарные знания. М., 2019. № 3. С. 275-282 и др.

⁴ Годовова Е.В. Влияние иногородних на повседневную жизнь казачьих станиц // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Самара, 2016. № 3-1. С. 19-25; *Её же*. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX века. Дисс. ... докт. ист. наук. Самара, 2018.

⁵ Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Ставрополь, 1994; Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общей ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.

⁶ Беликов А.В. Иногороднее население Кубани во второй половине XIX века. Дис. .. канд. ист. наук. Майкоп, 2002.

на Кубани и Юге России в целом. Однако часть вопросов (например, в сфере самоуправления, хозяйственно-культурного взаимодействия, организации трудовой деятельности и др.) осталась малоисследованной. К тому же большим недостатком значительной части из упомянутых выше работ является то, что они затрагивали интересующую нас проблематику применительно к территории современной Карачаево-Черкесии либо весьма поверхностно, либо не касались её вовсе. Данные обстоятельства создают необходимые предпосылки для более подробного и основательного изучения данного вопроса, что мы и попытались осуществить в представленной диссертации.

Объектом предлагаемого исследования выступает иногороднее население на территории современной Карачаево-Черкесии во второй половине XIX - начале XX в.

Предметом диссертационного исследования явились поселенческий и хозяйственный ареал, демографические и экономические ресурсы иногородних рассматриваемого региона, нормативная основа их социального и правового статуса в XIX – начале XX в.

Целью исследования представленной работы выступает комплексный исторический анализ социальных, культурных, правовых, хозяйственных процессов среди иногороднего населения на территории современной Карачаево-Черкесии во второй половине XIX – начале XX в. Исходя из сформулированной цели, нами были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотреть причины, предпосылки и этапы формирования социокультурной группы иногородних в регионе Верхней Кубани;
- охарактеризовать особенности судебной системы и управленческой структуры, сложившейся в местах проживания иногороднего населения;
- изучить правовое положение иногородних, его эволюцию и основные элементы политики органов государственной власти в отношении данной категории населения, а также его стратификацию;
- проанализировать социокультурные процессы в иногородней среде во второй половине XIX – начале XX в.;
- дать общую характеристику природно-хозяйственных ресурсов Верхней Кубани и структуры населения края, в том числе определив удельный вес иногородних в структуре населения станиц и аулов;
- определить место и значение иногородних в хозяйственной жизни региона, его вклад в становление и развитие местных отраслей экономики;
- выявить роль и значение верхнекубанского крестьянства в системе земельных отношений, в том числе в вопросах собственности, землепользования, управление земресурсами;
- осветить взаимосвязи иногороднего населения с казаками и горцами и показать его влияние на хозяйство и культуру коренных народов.

Хронологические рамки настоящей работы ограничены, в основном, периодом с 1860-х гг., когда в регионе начинает широко расселяться иногороднее население, по 1917 г., когда пала монархия и разрушился

детерминировавший появление иногородних социальный и правовой уклад. Тем не менее, в отдельных случаях мы выходили за обозначенные рамки, чтобы показать преемственность или взаимную обусловленность тех или иных событий и явлений.

Географические рамки диссертации охватывают территорию современной Карачаево-Черкесской республики, большая часть которой (за исключением небольшой восточной части) до революции входила в Баталпашинский отдел Кубанской области. В работе мы также применяем географический термин «Верхняя Кубань».

Источниковая основа представленной к защите работы включает ряд категорий опубликованных и неопубликованных источников.

В данной диссертационной работе были задействованы различные законодательные и нормативно-правовые акты. В рассматриваемый период государственные органы, в целом, осознавали необходимость регулирования правового и социально-экономического статуса такой категории населения, как иногородние. В этой связи выходили различные законы и нормативные документы, опубликованные в официальных изданиях того времени, издававшиеся отдельными брошюрами и т.д.¹

Наиболее важное значение для нашего исследования имели делопроизводственные документы (приказы, постановления, распоряжения, протоколы, записки и др.), откладывавшиеся по итогам работы государственных и общественных организаций и учреждений. В диссертации использованы опубликованные сборники таких документов, издававшиеся как в дореволюционное, так и в советское время². Они важны, прежде всего, с точки зрения анализа статуса иногородних, вопросов появления их первых самостоятельных поселений, основы хозяйственной деятельности, проблем социальной и экономической жизни. Значительная часть делопроизводственных документов по теме исследования неопубликована и находится в архивах. В процессе исследования были задействованы материалы Государственного архива Краснодарского края (ГАКК)³,

¹ Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. СПб., 1862; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLIII. Отделение 1. СПб., 1868; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLIX. Отделение второе. СПб., 1874; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 54. СПб., 1881; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. VIII. 1888. СПб., 1890; Полное собрание законов Российской Империи. Третье собрание Т. XXIX. СПб., 1912; Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XIX. СПб., 1884; Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XXXVII. За 1901 год. СПб., 1902; Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. Новочеркасск, 1891; Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1-я. СПб., 1914 и др.

² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1904. Т. 12; Революционное движение на Кубани в 1905-1907 гг. Сб. документов и материалов / Сост. Г. Т. Чучмай. Краснодар, 1956. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917) (СЭПКРНКЧ). Сборник документов / сост. В.П. Невская, И.М. Шаманов, С.П. Несмачная. Ростов-на-Дону, 1985 и др.

³ Фонд 396 «Войсковой штаб Кубанского казачьего войска»; Фонд 454 «Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска»; Фонд 574 «Кубанская областная чертежная»; Фонд 460 «Кубанский областной статистический комитет»; Фонд 470 «Дирекция народных училищ

Государственного архива Карачаево-Черкесской республики (ГА КЧР)¹, Государственного архива Ставропольского края (ГАСК)² и других. Данный вид источников содержит важную информацию по проблемам взаимоотношений различных социальных групп населения в Баталпашинском отделе Кубанской области, хорошо отражает вопросы социально-экономической жизни иногородних, развитие инфраструктуры региона и т.д. Важной их особенностью является также то, что они содержат ценную информацию по неславянским группам иногороднего населения, проживавшим на территории современной Карачаево-Черкесии. Архивные данные также важны в плане фиксации и анализа статистических данных.

В то же время представленные в архивохранилищах данные хорошо дополняются и коррелируются такими источниками, как статистическо-справочные издания. Во второй половине XIX – начале XX в. их издавалось немало; они были весьма информативны, содержали разнообразный материал, касавшийся численности населенных пунктов и населения, его социальной дифференциации, объемов аграрного и промышленного производства и др. В этой связи в процессе написания диссертации мы их активно привлекали в большом количестве. Среди них такие сборники, как «Памятная книжка Кубанской области» «Кавказский календарь», «Кубанский календарь», «Вся Донская Область и Северный Кавказ», материалы переписи и др.³

В значительной степени помогают дополнить архивные материалы и статистические данные публикации в периодических изданиях. Прежде всего, привлекались региональные издания («Кубанские войсковые ведомости», «Кубанские областные ведомости»), печатавшиеся в Екатеринодаре – административном центре Кубанской области, куда в описываемое время входила большая часть территории современной Карачаево-Черкесии, а также материалы газеты «Кавказ», издававшейся в Тифлисе.

Определенный интерес для нашей работы представляют также опубликованные материалы личного происхождения. В их числе – бытописательные очерки, воспоминания, газетные заметки обывателей и т.п.

Кубанской области Министерства народного просвещения»; Фонд 774 «Канцелярия Помощника Начальника Кубанской области по управлению горцами».

¹ Фонд 4 «Баталпашинское станичное правление»; Фонд 5 «Управление начальника Баталпашинского уезда Кубанской области»; Фонд 7 «Учкуланское аульное правление»; Фонд 8 «Коллекция копий документов по истории народов Кубанской и Терской области»; Фонд р-4 «Управление Баталпашинской отдельской рабоче-крестьянской милиции Кубано-Черноморской области»; Ф. 347 «Центр документации новейшей истории».

² Фонд 101 «Канцелярия Ставропольского губернатора».

³ Памятная книжка Кубанской области / Под ред. Е.Д. Фелицина. Екатеринодар, 1876-1881; Кавказский календарь. Тифлис, 1890, 1894, 1904, 1909, 1916; Кубанский календарь / Под ред. Л.Т. Соколова. Екатеринодар, 1901-1916; Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1901 год / Книга администрации, промышленности и торговли / Под ред. Д.С. Найфельда. Ростов-на-Дону, 1901, 1908, 1912; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 65 (Кубанская область). СПб., 1902.

При всей их субъективности, они нередко предоставляли важную информацию о занятиях населения, о новациях в быту и хозяйстве¹.

Еще одну важную группу источников составили научные труды², отражавшие представления прошлых лет, и Интернет-ресурсы, среди которых, в первую очередь, выделяется информация о диаспорах и их населенных пунктах в Баталпашинском отделе, о происхождении и судьбе местных аграрных магнатов из числа иногороднего населения и т.д.

Проведенный анализ источников по проблеме социального, хозяйственного уклада и системы управления иногородних на территории современной Карачаево-Черкесии дает представление об их видовом разнообразии и информативной отдаче. Наличие широкой и разноплановой источниковой базы дает возможность для корреляции и объективного отражения действительности.

Методология и методы исследования. Методологической основой предлагаемой работы являются важнейшие исследовательские *принципы* – объективность (критический подход к источникам), историзм, системность.

Принцип объективности позволил воспринимать привлекаемые источники как продукт своей эпохи, отражающий субъективные моменты, реальную невозможность в то время добиться максимально полных и достоверных сведений по тем или иным сферам, вычленив другие факторы, искажавшие реальное положение дел.

Установка на историзм позволила оценивать и объяснять изучаемые явления и процессы исходя из реалий рассматриваемой эпохи. Например, появление основной массы иногороднего населения в Верхней Кубани следует объяснять в тесной связи с крупными событиями 1860-70-х гг. – окончанием Кавказской войны и освобождением крестьянской массы от крепостничества, повлекшим за собой миграционные процессы.

Принцип системности требует, чтобы эволюция статуса иногородних на Кубани рассматривалась, с одной стороны, как самостоятельный исторический процесс, проходивший одновременно в нескольких общественных системах – социальной, экономической, культурной, правовой, политической, а с другой – как часть более масштабного исторического явления – непрерывного процесса стратификации российского общества.

¹ Алейников. Бедствия зимы / Алейников // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1880. № 2. С. 3; Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. Вып. 2. 1884. С. 368-371; Ган К.Ф. В верховьях Кубани и Теберды (июль 1892 г.) // Кавказ. 17 декабря 1893. № 334; Ефременко Ф. Два слова о Закубанских лесах // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1902. № 9; Новицкий В.Ф. В горах Кавказа. Три поездки в окрестностях Эльбруса летом 1896 г. и восхождение на эту гору // Известия Императорского Русского Географического общества (ИИРГО). Том XXXIX. Вып. 2. СПб., 1903. С. 89-153; Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе // Русский архив. М., 1904. Вып. 4. С. 664-682 и др.

² Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказарамберг. Нальчик, 1999; Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 2001. Т. 1; Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 2001. – Т. 2 и др.

Перечисленные принципы на практике реализованы через конкретные *методы* исследования. В работе нами применялся базовый для науки *общий* исследовательский инструментарий, включающий анализ изучаемого материала, сравнение и сопоставление, обобщение, изучение фактов в соотношении с пространственной и временной локализацией.

Специальные методы исторического исследования также нашли применение в настоящей работе. Историко-генетический метод позволил осветить тему социального генезиса (зарождения, становления и развития общественных страт, в данном случае – прослойки иногородних). Связанный с этим метод диахронного сравнения раскрывает черты, отличающие один этап истории иногороднего населения от другого, а также сохраняющие его качественную общность. Метод синхронного сравнения дал возможность уяснить и обозначить различия в формировании, статусе иногородних и других категорий населения региона. Используемый в настоящей работе историко-статистический метод дал возможность выявить и обосновать тенденции развития Верхней Кубани (экономического, социального и демографического плана), а также обозначить компоненты её общественной и хозяйственной структуры.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проведено всестороннее исследование истории полиэтничного иногороднего населения (в основе своей крестьянского) Карачаево-Черкесии. Имеющиеся научные труды по истории иногородних, в том числе в Кубанской области, практически не отражали специфику социокультурных процессов, происходивших среди данной группы населения в регионе Верхней Кубани, не затрагивали особенностей её коммуникации с другими местными этническими, этносословными сообществами и т.д. В представленной работе, исходя из комплексного подхода, впервые определяются основные этапы формирования в регионе некогда значительного социального слоя иногородних и обозначаются факторы, обуславливавшие основные черты его формирования, развития, социально-правового статуса и т.д. На примере региона Верхней Кубани показана исторически равносильная роль государства и рынка в социогенезе в целом, в ускорении и торможении процесса социальной стратификации в частности. Региональный материал иллюстрирует противоречие между сословным строем, порожденным, регулировавшимся и охранявшимся государством, и классовым социальным укладом, появившимся в ходе рыночного развития страны. Показано, что сельские капиталисты (верхушка крестьянства и аграрное купечество) в имперский период оказались более интегрированными в товарно-денежную систему, чем верхушка казачества. Отмечено, что правовые меры, предпринимаемые казачеством для резонной защиты от иногородних-капиталистов («кулаков», «миродов»), в реальности ударяли по обездоленной массе иногородних жителей станиц. С другой стороны возникали коллизии между иногородней олигархией (аграрными магнатами крестьянского и купеческого происхождения) и низами иногороднего

населения. В целом даётся объяснение и характеристика социальных противоречий сельского населения Верхней Кубани, которые неуклонно усугублялись, приобретая со временем формы революционного катаклизма.

Автором представлены следующие положения, выносимые на защиту:

1. Государственная политика центральных и региональных властей по отношению к иногородним на территории Кубанской области, как и по всей стране в целом, отличалась непоследовательностью, зачастую имея явный дискриминационный характер. При этом, несмотря на враждебность со стороны значительной части казаков и правовые меры ограничительного характера, иногородние во второй половине XIX в. все активнее расселяются в регионе Верхней Кубани. Уже к концу данного столетия они составляли около трети от всего местного населения и превратились в важную составляющую его экономической жизни.

2. Жители иногородних поселений (крестьянских сел и хуторов) в регионе Верхней Кубани преимущественно были заняты в аграрной сфере, а иногородние в станицах – главным образом в промысловой сфере. При этом именно они также заняли ведущие позиции в сфере региональной торговли, в которой доминирующую роль составили выделившиеся из иногороднего крестьянства предприниматели (в том числе купцы), первыми в регионе создававшие торговые дома.

3. Иногородние раньше и шире, чем коренное (казачье и горское) население, начали использовать передовые для своего времени экономические инструменты – банковское кредитование, торговые биржи, приемы кооперации и т.д.

4. В иногородней среде получили широкое распространение ремесленные промыслы (в том числе довольно сложные). Полученные в этой области навыки позволили данному сегменту местного населения в последующем создать на их основе сотни производственных и торговых предприятий. В процессе дальнейшего развития иногородние составили основу хозяйственников-организаторов и рабочих, чьим трудом зарождалась региональная индустрия. Последняя базировалась в описываемое время на массе мелких производственных структур, прежде всего – по освоению природных ресурсов края и переработке сельскохозяйственной продукции.

5. В силу указанной выше специфики иногородние внесли существенный вклад в социально-экономическое развитие региона Верхней Кубани и оказали определенное влияние на хозяйственный уклад местных горцев и казаков, заимствовавших у них формы организации труда, передовые приемы ведения сельского хозяйства, новшества в сфере подсобных отраслей, растениеводства, скотоводства, селекции животных и т.д.

6. Коллизии в сфере правового и социального статуса иногородних, малоземелье определенной их части, специфика экономической деятельности, в условиях предпринимаемых властями усилий по сохранению

особого статуса казачества и его привилегированного положения, приводили к росту конфликтогенности. Хотя иногороднее население нагорной части Баталпашинского отдела первоначально отличалось меньшей склонностью к активному социальному протесту, чем в других регионах области, нерешенные в имперский период вопросы в этой сфере оказали существенное влияние на уровень накала гражданского противостояния на территории современной Карачаево-Черкесии в годы общероссийского кризиса 1917-1920 гг.

7. Отдельные элементы особенностей этносоциального взаимодействия, социально-экономического, культурного развития с участием иногороднего населения в имперский период на территории современной Карачаево-Черкесии (кооперация, организация труда, аграрно-промышленные новации, система привилегий и т.д.), имевшие место во второй половине XIX – начале XX в., как нам представляется, не утратили своей актуальности и представляют несомненный интерес для современных общественных организаций, научно-исследовательских структур, органов государственной власти на региональном и федеральном уровнях.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что оно проведено в соответствии с концептуальными установками современной парадигмы гуманитарных дисциплин, его научные выводы могут использоваться в рамках современных исследовательских практик в области истории, при разработке базовых проблем изучения социально-экономической жизни, генезиса компонентов культуры (в широком понимании) не только Карачаево-Черкесии, но и других регионов и макрорегионов России, в целом – их социокультурной истории.

Практическая значимость настоящей работы состоит в том, что опыт успешной хозяйственной деятельности иногороднего населения, может быть востребован и полезен на современном этапе развития, в том числе применительно к национальным республикам Северного Кавказа. Кроме того, изложенные здесь материалы, концептуальные положения, научные выводы могут в той или иной степени применяться при исследовательской разработке проблем социального и хозяйственного развития народов Карачаево-Черкесии дореволюционного времени, культурной, правовой и политической истории Юга России, общей региональной истории Северного Кавказа, а также при изучении смежной научной тематики, составлении справочных и краеведческих изданий.

Соответствие темы диссертационного исследования требованиям паспорта специальностей ВАК РФ. Работа выполнена в рамках специальности 5.6.1. Отечественная история и соответствует паспорту в п. 7 История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности и п. 21 История экономического развития России, ее регионов.

Апробация итогов настоящей работы осуществлена в следующих формах: проведено обсуждение диссертации на заседании кафедры истории

России Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева; положения и выводы исследования изложены в 10 научных публикациях, включая три статьи, изданные в журналах, рецензируемых ВАК РФ. Значимые результаты исследования излагались в форме докладов на научных конференциях различного уровня в Карачаевске, Новосибирске, Биробиджане.

Структура настоящего исследования состоит из введения, двух глав (по четыре параграфа в каждой из них), заключения и списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** аргументируется значимость избранной темы исследования с точки зрения научной актуальности её разработки, выявляется степень изученности проблемы, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, территориальные и хронологические рамки, описывается источниковая база, излагаются методологические принципы, раскрывается научная новизна, представлена апробация, структура, теоретическая и практическая значимость диссертации, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1. («Сельские общины и общественно-культурная жизнь иногородних на территории современной Карачаево-Черкесии (вторая половина XIX – начало XX века)») посвящена освещению проблем образования самостоятельных поселений данной группы населения в рассматриваемом регионе, эволюции его судебно-управленческих структур, социального и правового статуса, развитию социокультурной сферы

В параграфе **1.1. («Генезис поселенческих общин иногороднего населения»)** рассматривается процесс появления первых неказачьих славянских и «инородческих» общин на территории современной Карачаево-Черкесии.

На первом этапе в период Кавказской войны они возникали на основе прослойки отставных нижних армейских чинов и гражданских лиц, служивших в первых русских укреплениях, расположенных в верхнем течении Кубани и Большого Зеленчука. При этом в 1830-1850-е гг. ряды кубанского казачества пополнялись за счет стимулировавшегося государством переселения государственных крестьян из разных губерний России. На втором этапе (после Кавказской войны и, в особенности, после отмены крепостного права) за счет добровольной миграции формировалась иногородняя прослойка всех верхнекубанских станиц, а также появились первые крестьянские поселения. На третьем этапе (конец XIX – начало XX в.) рост массы иногороднего населения осуществляется по пути образования сети хуторов преимущественно в северных районах тогдашнего Баталпашинского отдела Кубанской области.

Отметим, что на территории современной Карачаево-Черкесии иногороднее население имело полиэтничный характер. Помимо русских и

украинских переселенцев, составлявших абсолютное большинство, к категории иногородних были отнесены жители поселений, образованных этническими меньшинствами (осетинами, греками, армянами, евреями, эстонцами).

К революции 1917 г. на Кубани имелись четыре правовые группы жителей: а) «коренные» войсковые жители (казачество); б) «коренные» невойсковые жители (члены аульных, а также сельских и волостных обществ, созданных иногородним крестьянством); в) иногородние, имеющие оседлость в станичных, сельских, волостных, аульных обществах; г) иногородние, не имеющие оседлости. Среди жителей поселений, созданных иногородними, выделялись коренные и свои «новые» иногородние.

В равнинной части региона Верхней Кубани за весь имперский период не было создано ни одного крестьянского села, так как данная территория находилась, в основном, в ведении аульных и станичных обществ, Кубанского казачьего войска. Поселения иногородних возникли в нагорной полосе, где имелись угодья, остававшиеся в казенной собственности. В то же время, иногороднему населению удалось создать десятки поселений хуторского типа за счет аренды земель у частных владельцев, аульных и станичных обществ. Однако население этих мелких хуторов в силу его малочисленности, как правило, не имело самоуправления, школ, церковных общин и т.п.

В регионе Верхней Кубани сформировались следующие формы поселений иногородних: а) крестьянские хутора (самостоятельные), образованные на землях, полученных от казны или купленных у частных лиц; б) поселки – рабочие, монастырские (Нижний Архыз, Нижняя Теберда), лечебные (Кубрань), курортные (Теберда); а также «поселки инородцев», которые позднее стали селами; в) села, то есть, крупные поселения со своим самоуправлением (Михайловское с шестью хуторами, Еврейско-Джегонасское, Георгиевско-Осетинское и др.); г) волости, как правило, объединявшие несколько смежных населенных пунктов. (Хотя крупное село также могло образовывать одну волость). К моменту падения монархии в рассматриваемом регионе имелось пять волостей (Ивано-Сусанинская, Ермоловская, Пантелеймоновская, Хасаут-Греческая и Марухо-Эстонская).

Иногородние крестьяне, создавшие собственные поселения, во всех отношениях – социальном, хозяйственном, правовом, культурном – находились в гораздо более предпочтительном положении, нежели те, кто, даже с правом оседлости проживал в поселениях коренного населения (казаков и горцев).

В *параграфе 1.2. («Становление и развитие управленческих и судебных структур»)* освещаются вопросы, связанные с управлением иногородних, с функционированием у них правоохранительной и судебной систем.

В XIX в. в ходе интеграции Северо-Западного Кавказа в состав России административно-территориальное устройство региона подвергалось частым

изменениям. В 1860 г. после упразднения Кавказской линии были созданы Кубанская и Терская области. Территория современной КЧР (за исключением небольшой восточной части) входила Баталпашинский уезд (1870 г.) Кубанской области. Уезд делился на участки. Участковый пристав являлся главным администратором, которому подчинялась система местного управления (станичных атаманов, сельских старшин). Приставы подчинялись начальнику Баталпашинского уезда. В ходе контрреформ в 1888 г. произошел возврат от гражданской системы к военному управлению. Уезды были реорганизованы в отделы, в которых вводился институт отдельских атаманов. Таким образом, все население переходило под власть казачьей администрации. Атаману Баталпашинского отдела подчинялись главы местных (станичных, сельских, аульных) администраций, но их утверждение (после избрания) и смещение по-прежнему осуществлялось начальником области.

Система сельского управления (самоуправления) в регионе Верхней Кубани зародилась в период реформ 1860-70-х гг.

Пока крестьянские (иногородние) поселения были малочисленны и существовали в форме поселков, в них действовали выборные поселковые правления. Впоследствии все эти поселки были преобразованы в села и, соответственно, в них вводилось полноценное сельское управление. Отдельное село возглавлял сельский старшина, а то, которое входило в состав волости – сельский староста. Эти и другие выборные должности (помощники старшины, сельские судьи и др.) сельского самоуправления имели право занимать лица не моложе 25-летнего возраста, преимущественно «из домохозяев», не состоящих под судом и следствием.

Органы самоуправления обязаны были обеспечивать выполнение населением так называемых мирских повинностей (денежных, натуральных, отработочных). Несмотря на то, что на Кубани земство не вводилось, население несло земские повинности, в том числе подводную, постоянную и др. Только 12 марта 1903 г. была отменена круговая порука по уплате государственных, земских и мирских податей.

В описываемый период функционировало три органа волостного самоуправления – волостной сход, волостное правление и возглавлявший его волостной старшина, а также один судебный орган (волостной суд). В волости, которая состояла из одного сельского общества, вместо процедур созыва волостного схода, применялись нормы обычного сельского схода. Его участники не были равноправны: те, кто имел собственные земельные участки, обсуждали и принимали участие в решении всех вопросов, отнесенных к ведению схода, безземельные – только тех, которые касались непосредственно их (например, по делам о раскладке повинностей). Сход избирал должностных лиц (старшину, его помощников, судей), решал вопросы о хозяйственных и общественных делах волости, о назначении и раскладе волостных сборов и повинностей, о запасных хлебных магазинах и т.д.

На все поселенческие общины (кроме хуторских) распространялось действие структур судебной системы. Низшей судебной инстанцией для всего населения выступали местные (станичные, сельские, волостные, аульные) суды. Мировые суды для всех жителей Баталпашинского уезда (отдела) являли собой систему судов второй инстанции. Третьей судебной инстанцией с 1 января 1871 г. являлся Екатеринодарский окружной суд.

Приговоры окружного суда с участием присяжных заседателей не могли обжаловаться в порядке апелляции, так как считались окончательными. Обжалование по ним с просьбой об отмене могло производиться только в порядке кассации на уровне Правительствующего Сената. Апелляционной инстанцией для других приговоров Екатеринодарского окружного суда выступала Тифлисская судебная палата.

В параграфе *1.3. («Эволюция правового положения иногородних»)* обозначенная проблема освещается с точки зрения изменения социального статуса в тесной связи его нормативным обеспечением.

На Кубани иногороднее население изначально не было однородным в социальном и правовом плане. Среди него имелась привилегированная прослойка, но большинство иногородних в казачьих областях Юга России в той или иной степени стремилось добиться от правительства качественного изменения своего правового статуса.

В реформенный период социально-правовое положение иногородних, проживавших в станицах, впервые начало получать нормативное оформление в «Положении о заселении...» 1862 г. Им устанавливалось, что «лица, не принадлежащие к войсковому сословию (иногородние)» могли получить право оседлости в станицах через покупку казачьих усадеб или пустопорожних мест на территории Кубанского казачьего войска. Но при этом они обязаны были «за находящуюся под их усадьбами землю» (остававшуюся в собственности казачьей общины) вносить так называемую посаженную плату.

Согласно «Положения об общественном управлении в казачьих войсках» от 13.05.1870 г., станичное общество состояло «из всех, без различия сословий, жителей станицы» (ст. 1). Тем самым, формально членами общества выступали и жители не войсковых сословий. В то же время документ определял, что лица таких сословий, живущие в станицах и имеющие там собственные дома или другую недвижимость, могут участвовать в станичных сходах «только при обсуждении и решении дел», касающихся «лиц не казачьего сословия» (ст. 4 прим.). «Положение...» устанавливало, что иногородние подчинены станичной администрации, наделенной полномочиями в общественной и полицейской сферах (ст. 11-12, 25), а в делах с суммой иска не более 100 рублей, были подсудны станичному суду.

В период контрреформ положение иногородних ухудшилось. На Кубани их права на участие в местном самоуправлении были сведены к нулю, а на станичных сходах им, зачастую, предлагалось лишь выслушать и

подписать уже принятое решение. Как подчеркивал один из дореволюционных авторов, иногородние «не платят только за право пользоваться воздухом»¹.

В то же время в нагорных станицах на территории Верхней Кубани – с их суровыми природными условиями и затратной системой жизнеобеспечения – отношения между казаками и иногородними в станицах были несколько лучшими, нежели на равнинах.

Применяя исходившие из центра меры по ужесточению правопорядка, региональные власти осознавали необходимость разумного, сбалансированного сочетания политики «кнута и пряника». В 1905 г. были изданы циркуляры начальника области о нераспространении на имущество иногородних бесспорного права взыскания посаженной платы; о временном освобождении от текущих платежей и недоимок семейств запасных нижних чинов, призванных на фронт; об облегчениях по уплате посаженной платы и др.

С точки зрения изучения генезиса правовой регуляции экономической жизни иногородних большой интерес вызывает нормативная основа их предпринимательства. Своеобразной формой социального лифта в дореволюционной России долгое время оставался переход из крестьянского или мещанского сословия в купеческое. В пореформенное время такой переход был существенно облегчен: крестьянин или мещанин в случае получения патента на торговлю мог, по желанию, изменить свой сословный статус. В свою очередь купцы, пребывавшие 20 лет подряд в 1-й гильдии, получали вместе с семьями статус почетного гражданства. Разрешительная система в этой сфере регулировалась «Положением о пошлинах на право торговли и других промыслов» от 1863 г. Согласно нему предпринимательская деятельность, не связанная с уплатой акцизов, должна была вестись при наличии выданного государством свидетельства (патента) и так называемого билета на предпринимательскую структуру. Правовые новации были введены с принятием в 1898 г. «Положения о государственном промысловом налоге». В акте отсутствовало понятие купеческого свидетельства, но сохранялся выдаваемый сроком на год промысловый патент, который обязано было получить каждое отдельное торговое и промышленное предприятие.

Нормативные акты, регулировавшие жизнь иногородних, издавались разными инстанциями: имперским Военным советом, Государственным советом, главным управлением казачьих войск (ГУКВ), штабом Кавказского военного округа, начальником Кубанской области. Они устанавливали размеры и объекты посаженной платы, нюансы её взимания, платежи в пользу станиц (за пользование общественными угодьями, взамен отбывания подводной повинности, с торговых помещений, промышленных заведений) и т.д.

¹ Матюшенко П.П. Аграрная политика царизма и иногороднее крестьянство Кубани и Терека в период контрреформ в России // Теория и практика общественного развития. М., 2014. № 21. С. 184.

По мере распространения революционных идей в иногородней среде росли протестные настроения, связанные с нерешенностью вопроса о статусной эмансипации. Произошли крупные выступления сельскохозяйственных рабочих на севере Баталпашинского отдела в экономиях земельных олигархов Макеевых, Мазаевых, Меснянкиных и др. В то же время характерными чертами горных районов Верхней Кубани являлись патриархальность общественного уклада, консервативность населения, что отличало регион от остальной части Баталпашинского отдела и в целом от Кубанской области. Это приводило к снижению остроты социальных конфликтов. Публичные акты протеста здесь носили эпизодический характер и практически не обретали подлинно массовую форму.

В *параграфе 1.4. («Социокультурная сфера: структура и тенденции»)* рассматриваются различные аспекты данной темы. В описываемый период на территории современной Карачаево-Черкесии существовало несколько видов учреждений (по учредителю и форме собственности) в структуре школьного образования. В их числе – казенные, общественные (муниципальные – станичные, сельские, колонистские), церковно-приходские, частные (в том числе благотворительных обществ) учебные заведения.

Исследователями отмечалось, что в целом на Кубани большинство учащихся церковно-приходских школ составляли дети иногородних, в то время как казачьи дети в основной своей массе обучались в станичных народных училищах. В начале 1910-х гг. в станице Баталпашинской действовала лишь одна церковно-приходская школа (училище). Первым и единственным почти до конца XIX в. иногородним населенным пунктом в регионе Верхней Кубани, где была создана школа, было село Георгиевско-Осетинское. Здесь же было открыто первое среди сел училище для обучения девочек. В 1898 г. на территории рассматриваемого региона был открыт целый ряд сельских одноклассных училищ, созданных на основе закона 1883 г. (с ежегодным пособием из Государственного казначейства по 300 руб. на каждое), в том числе в одном из поселений иногородних – с. Хасаут-Греческом. Затем стали функционировать начальные мужские училища в эстонских поселениях – п. Хусы-Кардоник (1906) и с. Марухо-Эстонском (1909). Позднее, помимо них, упоминаются одноклассные школы в хуторах Краморовском и Соколовском, а также в селах – Джегонасско-Еврейском, Ермоловском.

Зеленчукская стала первой станицей рассматриваемого региона, где открылась школа для иногородних, подведомственная областной дирекции народных училищ (1906 г.). В период Первой мировой войны в этой станице функционировало частное «общество образования иногородних детей». На 1916 г. в станице Баталпашинской действовали два одноклассных училища для иногородних. В курорте Теберда тогда же имелись два так называемых дачных одноклассных училища – мужское и женское. Тогда же у

иногородних фиксируются 2-х классные сельские училища в селениях Георгиевско-Осетинском и Ермоловском.

Дети лиц не казачьего сословия обучались в станичных школах за плату, которая за четверть века – с 1881 по 1906 гг. – возросла в восемь раз. Но даже в этом случае возможность определить детей в казачьи школы предоставлялась не всегда. Поэтому неудивительно, что в частных школах области количество детей иногородних в 25 раз превышало численность казачат. Существовавшая образовательная политика приводила к тому, что значительная часть иногородних не имела возможности дать своему подрастающему поколению даже начальное образование.

На протяжении всего рассматриваемого периода преобладающей религиозной общиной Баталпашинского уезда (отдела) оставались христиане, среди которых доминировали православные. Хотя имелась также значительная прослойка мусульман из числа горцев. В 1880-90-е гг. образовались православные монастыри. В возникших при них поселках селились и иногородние. Они также входили в состав других немногочисленных христианских общин (баптисты, армяно-григорианская церковь, католики и др.), сформировавшихся в Баталпашинском уезде к концу XIX в. Отметим, что иногородние играли важнейшую роль в религиозном сектантстве, вовлекая в свои общины и представителей казачества.

В описываемый период система здравоохранения была весьма труднодоступна для представителей практически всех категорий невойскового населения. В 1890-х гг. на все аулы нагорной зоны функционировал только один фельдшерский пункт, а в поселениях иногородних каких-либо лечебных учреждений не фиксируется до советского времени. Войсковая больница (со своей аптекой) в станице Баталпашинской оставалась единственным лечебным учреждением данного типа в регионе вплоть до падения монархии. Медицинская помощь в ней оказывалась казакам бесплатно, а остальным – при наличии в них свободных мест и за довольно высокую плату. Только в 1912 г. было принято решение об открытии пятнадцати медицинских участков, где бесплатное обслуживание могли получить не только казаки, но и представители невойсковых сословий.

К тому же сама прослойка профессиональных работников здравоохранения была небольшой. В самом начале 1900-х гг. в изучаемом регионе фиксируется всего 4 врача, которые работали в административном центре.

Определенную роль сыграли иногородние в открытии и функционировании первых общественных организаций в рассматриваемом регионе. Первые из них стали возникать в конце XIX в. (Например, «Баталпашинское общество правильной охоты» (1896 г.).

В XIX в. зарождались благотворительные структуры, в которые вовлекались разные слои общества. С начала 1890-х гг. православное

духовенство Кубани стало создавать «комитеты о бедных духовного звания», окружные братские кассы с целью оказания материальной помощи духовным лицам. В начале XX в. функционировало «Общество вспомоществования нуждающимся учащимся ст. Баталпашинской». В отделе действовали структуры «Кубанского областного комитета попечительства о народной трезвости». Иногородние приняли активное участие в создании Баталпашинского краеведческого общества. В 1916 г. это общество организовало в центре отдела краеведческий музей. В регионе также действовало местное отделение «Всероссийского общества для развития и усовершенствования русских лечебных местностей». Представители Баталпашинского отдела входили в состав «Кавказского Горного общества в Пятигорске».

Глава 2. («Иногороднее население в экономических процессах региона Верхней Кубани (вторая половина XIX – начало XX в.)») посвящена хозяйственному базису иногородних семей, потенциалу и роли иногороднего населения в становлении и развитии регионального народно-хозяйственного комплекса.

В параграфе **2.1. («Общая характеристика природно-хозяйственных ресурсов и структуры населения края»)** отмечается характерная черта крестьянского хозяйства дореволюционной Кубани – его многоукладность, включавшая патриархальный, мелкотоварный и частнокапиталистический элементы.

Практически вся система жизнеобеспечения, трудовая деятельность всего населения региона Верхней Кубани была исторически теснейшим образом связана с природными ресурсами – климатическими, геологическими, биологическими и т.д. Осваивались они неравномерно: например, почвы, флора и фауна использовались с тенденцией к экстенсивному росту. Только с конца XIX в. зарождается некоторая интенсификация использования водных (двигатели на водной тяге, первые гидроэнергетические машины и т.д.) и рекреационных ресурсов.

В исследуемый период экономические ресурсы (в их производственном аспекте) Верхней Кубани проявлялись в аграрной сфере, преимущественно – в животноводстве. Среди семи отделов Кубанской области Баталпашинский к концу 1890-х гг. занимал первое место по общему поголовью скота, по числу голов скота на душу населения, по объемам заготовки кормов (сена). Правда, за последующие десять лет численность скота в отделе уменьшилась на 30,4%. Столь значительное уменьшение поголовья мы связываем с увеличением доли земледелия в сельскохозяйственной структуре региона. А это в свою очередь обуславливалось развитием иногородних хозяйств.

Славянское население появилось в регионе, уже имея давние и устойчивые традиции земледелия. Поэтому, на наш взгляд, не случайно, что все станицы основывались на местах долинных черноземов, а затем уже на схожих ландшафтах образовались и многочисленные земледельческие хутора, товарищества иногородних крестьян. В то же время к концу XIX

столетия Баталпашинский отдел был самым отсталым регионом Кубани по технической оснащенности полеводства (по показателям количества усовершенствованных земледельческих орудий на душу населения), а также занимал последнее место в области по площади посевов и урожаю зерновых. Из общего числа усовершенствованных плугов в Баталпашинском отделе в начале XX в. у иногородних было лишь 18%, и это в условиях, когда они составляли почти 28% от общей численности населения региона.

Основные процессы в животноводческой отрасли Верхней Кубани после окончания Кавказской войны были связаны с качественными изменениями в структуре породности регионального поголовья крупного и мелкого скота. В предгорной и степной частях региона скотоводческие хозяйства славянского населения первыми перешли на наиболее продуктивные породы, ввозимые из европейской части России, Причерноморья и даже из-за рубежа.

Большую роль в скотоводстве играли арендные отношения, которые не всегда были прозрачными и урегулированными должным образом. Например, дешевая аренда войсковой земли для нужд коневодства приводила, зачастую, к тому, что часть населения пыталась получить прибыль более быстрым путем – через неофициальное разведение на предоставленных участках крупного рогатого скота или сдаче их в субаренду. Так, станичники из Красногорской такие земли арендовали по 50 коп. за десятину, а сдавали в субаренду жителям близлежащего иногороднего села по 12 руб. за дес.

Относительно трудовых ресурсов определенные сведения дают материалы всероссийской переписи 1897 г., согласно которым самодеятельное население Баталпашинского отдела в то время насчитывало 48,02 тыс. чел., или 22,3% от всех жителей (в основной своей массе – мужчин). Большинство из них – 55% трудилось в земледелии, а 10,6% – в животноводстве.

Сельскохозяйственное районирование региона на рубеже XIX-XX вв. отчетливо проявилось в тенденции к специализации и разделению на полеводческий север и скотоводческий юг. В начале XX в. из общих сумм денежных доходов казаков и иногородних нагорных станиц региона около 40% поступало от скотоводства, 32% – от местных промыслов (в том числе 11% от лесного), 11% – от продажи земледельческой продукции, почти 5% – от поденщины и батрачества. Таким образом, земледелие занимало лишь третье место в доходах славянского населения нагорной полосы.

Значительная часть трудовых ресурсов иногороднего населения рассматриваемого региона была занята в сфере отхожих промыслов. Особо ценились профессионалы – строители, плотники, печники и т.д., которых охотно приглашали даже в высокогорные горские селения. Около 74% занятых в Баталпашинском отделе относилось к сфере реальной экономики (производства). Остальные трудились в сферах торговли (в том числе продукцией аграрного сектора, промышленности и др.), бытовых и

социальных услуг (гостиничных, транспортных, педагогических, медицинских и др.), управления, в религиозных институтах и др.

Промышленность в Баталпашинском отделе в рассматриваемый период находилась на стадии зарождения и, в целом, была преимущественно связана с населением его северных районов.

В дореволюционный период болезненной проблемой региона оставалась неразвитость внутренних дорожных коммуникаций. Железных дорог не было. Из колесных дорог почти бесперебойно функционировала только Военно-Сухумская дорога. Со временем она была шоссирована. Все же остальные дороги были грунтовыми со всеми вытекающими отсюда недостатками. Это создавало дополнительные сложности в деле промышленного развития и эксплуатации природных ресурсов.

Пристального внимания заслуживает динамика удельного веса иногородних, в том числе в структуре населения станиц и аулов. Баталпашинский отдел относился к регионам, где казачество изначально составляло меньшинство населения, уступая горцам и иногородним вместе взятым. К концу 1910 г. численность иногородних в Баталпашинском отделе даже немного превзошла численность казаков. Прослойка иногородних состояла из трех групп: признанных коренными жителями – 20,41 тыс. чел., иногородних с оседлостью – 51,7 тыс. чел., иногородних без оседлости – 22,1 тыс. чел.

В регионе наблюдался не только общий рост иногороднего населения, но и его удельного веса в демографической структуре казачьих населенных пунктов. Согласно статистическим данным с 1875 по 1894 г. численность иногородних, исходя из общего числа жителей всех верхне-кубанских станиц, возросла с 13% до 35%. При этом за эти два десятилетия в станицах казачье население увеличилось в 1,34 раза, а иногороднее – в 4,7 раза. Причем, в трех станицах последние составили от трети населения и выше, а в региональном центре (Баталпашинской) – абсолютное большинство. Численность иногородних в станичных обществах возрастала неуклонно, прежде всего – за счет активной миграции из регионов европейской части России.

Этот процесс отражается в статистике и последующих десятилетий. За сорок лет (1875-1916) иногороднее население станиц рассматриваемого региона выросло в 8 раз, а казачье – лишь в 2,6 раза. Диспропорция такого прироста привносила свою долю в осложнение социального положения. Площадь земель у станичных юртов и казачьих семей не могла быть беспредельной; ресурсы их угодий для сдачи в аренду иногородним практически были исчерпаны. Это обуславливало глубокое расслоение, пауперизацию иногороднего населения, осложняло социально-экономическую ситуацию.

Доля некоренных жителей в структуре аульного населения в три раза уступала показателям станиц. Это вполне объяснимо: иногородние в станицах появлялись за счет миграции, главным образом, русского населения из

других регионов России, а в горских селеньях – за счет ограниченных перемещений (как правило, соплеменников) из других аулов того же региона. В 1916 г. из всех жителей аулов (вместе с их поселками), иногородние составляли лишь 8,5%.

В параграфе 2.2. («*Место и значение иногородних в хозяйственной жизни региона*») подробно раскрывается вопрос экономической сферы жизнедеятельности этой части населения. По имеющимся данным в экономической структуре нагорной части рассматриваемого региона вплоть до советского времени продолжало доминировать скотоводство. Доля скота, находившегося в собственности иногородних, в общем поголовье Баталпашинского отдела в 1890 г. составляла 26%, что, в целом, соответствовало их доле в демографической структуре (25% от населения отдела). В то же время, проявлялись диспропорции в структуре поголовья. Иногородним принадлежало: лошадей – 14,7%, рабочего скота – 11,3%, гулевого скота – 11,8%, свиней – 3,5%, буйволов – 4%, овец простых – 13,4%, овец тонкорунных – 87,9%. Сам факт того, что почти 9/10 поголовья тонкорунного овцеводства находилось в руках иногородних отражает их инновационную роль в животноводстве Юга России.

С 1890 по 1908 г. мы видим резкий рост у иногороднего населения поголовья лошадей (с почти 15% до 39%), что следует связывать с неуклонным развитием земледелия в их среде. Освоение целинных, черноземных земель требовало глубокой вспашки посредством тяжелого плуга, как правило, фабричного выпуска. Каждый такой плуг требовал наличия нескольких пар быков, что в то время было роскошью не только для иногородних, но и других слоев населения. В таких условиях крестьяне на территории современной Карачаево-Черкесии для вспашки земли создавали сезонные артели (товарищества) – супряги. Они также кооперировались для приобретения или аренды различных сельскохозяйственных машин – паровых молотилок, косилок, фабричных борон и т.п. В равнинных поселениях хозяева, имевшие рабочих быков, создавали артели (по 50-60 пар быков и не менее 10 плугов) по совместной обработке земли.

Иногородним в регионе Верхней Кубани принадлежит приоритет в развитии табаководства, садоводства, виноградарства.

Они же играли ведущую роль в региональных промыслах. По словам современников, практически все плотники, столяры, колесники, тележники были выходцами из иногородней среды. Им же принадлежали многие промышленные «заведения» (кожевенные, соледобывающие, поташные и др.); иногородние занимались освоением природных ресурсов, разработкой недр (каменный уголь, известь, алебастр и огнеупорная глина) и др. Ими были открыты горнодобывающие предприятия. По сути, иногородними – владельцами, специалистами, рабочими – до революции на территории современной Карачаево-Черкесии создавалась промышленность.

Кроме того, в начале XX в. более 90% местной торговли находилось в руках иногородних.

В предпринимательской сфере Верхней Кубани начала XX в. большую роль сыграли неславянские переселенцы из других районов Кавказа и даже из заграницы. Так, в торговой сфере были широко представлены еврейская и армянская общины. Бакалеей и мануфактурой торговали в крае также переселенцы из Грузии. Активно проявляли себя и немцы, продававшие земледельческие машины, орудия труда, швейные машины. Местные греки практически монополизировали сферу производства и реализации табака.

В иногородней среде развивалась кооперация. Её аграрная составляющая была представлена двумя формами: простые виды полеводческого кооперирования при пахоте и жатве (коллективная аренда техники, наём работников) и кооперативы в виде крестьянских земельных товариществ. В промышленности и торговле возникали артели, также существовавшие в форме товариществ. В сфере потребительской кооперации работали общества «Бережливость» в Преградной и Сторожевой. В 1917 г. все подобные структуры объединились в Баталпашинский союз потребительских обществ. В период «великих реформ» возникла кредитная кооперация. Первое ссудо-сберегательное товарищество было создано при содействии иногороднего специалиста А.А. Кирша. К началу 1914 г. в Баталпашинском отделе имелись 3 ссудно-сберегательных и 27 кредитных товариществ.

Большую роль в хозяйственной истории края сыграла иногородняя аграрная олигархия, состоявшая из купечества, в основном, крестьянского происхождения. Её фигуранты из числа местных иногородних предпринимателей и переселившихся с Крыма скотопромышленников («тавричан») последовательно приобретали крупные земельные участки. К таковым, например, относились кланы Мазаевых, Николенко, Тарасовых, Меснянкиных, Макеевых и др. Благодаря им в Баталпашинском отделе получило большое распространение тонкорунное овцеводство. Часть из них начала специализироваться на разведении высокопородного крупного рогатого скота и лошадей.

На протяжении всего рассматриваемого периода динамика общественной стратификации на пространстве Юга России не прерывалась. В частности, до революции продолжался процесс дальнейшего разрыва в социальном и правовом положении между двумя крупными группами иногородних – жителями станиц и жителями иногородних поселений (в том числе самостоятельных хуторов). Если у первых ощущалась нехватка скота (12,5% иногородних его не имело вовсе, а почти 37% не владело рабочим скотом), то у хуторских – его поголовье было значительным, в пересчете на душу населения нередко превышая «казачьи нормы».

В параграфе 2.3. (*«Региональное крестьянство в системе земельных отношений: формы собственности, землепользование, управление землересурсами»*) определяются формы землевладения, законодательно закрепленные в дореволюционной России и распространенные на территории

современной Карачаево-Черкесии, описывается место и роль иногородних в региональной системе земельных отношений.

В рассматриваемом регионе в государственной собственности находились в основном угодья казенных лесничеств, составлявших почти треть (32,5%) территории современной Карачаево-Черкесии. Лесные участки предоставлялись в пользование за плату частным лицам и артелям. При этом на территории казенных лесничеств имелись нагорные летние пастбища, значительная часть которых сдавалась в аренду иногородним.

Общественное землевладение было представлено в регионе в основном войсковыми (принадлежавшими Кубанскому казачьему войску) и поселенными (юртовыми) землями. В 1876 г. на территории современной Карачаево-Черкесии площадь земель 8 станиц составила около 231,2 тыс. дес., а 4 иногородних поселений (Джегонасского, Марухского, Хасаутского, Шоанинского (позднее, Георгиевско-Осетинского)), сформировавшихся к тому времени – 1089 дес. Несмотря на то, что площадь земель, принадлежавших старым и новым иногородним поселениям к 1910 г. выросла в 28 раз, а станичных угодий немного снизилась в 1,1 раза, казачье землевладение продолжало доминировать на протяжении всего имперского периода. В 1916 г. основной долей поселенных угодий (почти 67% лесов, 65% пашен и свыше 54% сенокосов) владели станицы. В общественном владении всех иногородних населенных пунктов, количество которых выросло до 9, тогда же находилось только 6% от всего регионального земельного фонда. Такая диспропорция обуславливала напряженность, которая в условиях аграрных волнений начала XX в. получала идеологическое оформление.

В связи с малоземельем значительная часть иногородних была вынуждена вступать в арендные отношения. В аренду брались казачьи, горские, казенные земли. В практике хозяйственно-правовых взаимоотношений бытовали разные формы аренды земельных угодий – единоличная, практиковавшаяся в основном состоятельными крестьянами, и коллективная (артельная, «компанейская»), которую использовали преимущественно середняки и бедняки. При этом, арендная плата могла иметь как денежную, так и натуральную (часть урожая) формы.

В пореформенный период получило развитие корпоративное землевладение. Здесь особую категорию составляли угодья, находившиеся в собственности крестьянских земельных товариществ. В конце XIX в. в регионе появилось монастырское землевладение.

Определенную эволюцию в ходе реформ претерпело частное землевладение. Изначально оно формировалось в регионе за счет пожалований за заслуги перед правительством и предоставления земельных участков офицерам и чиновникам вместо денежных пенсий. Однако после отмены крепостного права значительная часть земельных пожалований (в том числе заложенных банкам под кредиты и ссуды) стала активно распродаваться. Продававшиеся участки нередко покупали крестьяне и

крестьянские товарищества (часто при содействии Крестьянского банка), мещане, купцы и др. При этом подавляющая часть распродававшегося частного земельного фонда перешла в собственность аграрных магнатов иногороднего происхождения.

В их собственность в начале XX в. перешли не только многие дворянские, казачьи, но и горские земли. В 1910 г. таковых насчитывалось 26,7 тыс. дес., из которых 67% располагалось в границах аулов плоскостной зоны.

Во многом именно благодаря этим приобретениям к 1914 г. иногороднее землевладение, включавшее угодья крестьянских населенных пунктов, товариществ и, прежде всего, частных лиц достигло половины от площади всех земель прямого сельскохозяйственного назначения в Баталпашинском отделе. Налицо была громадная социальная дифференциация в среде самих иногородних, населенные пункты которых, равно как и крестьяне в станицах, испытывали заметный недостаток земельных площадей, в то время как несколько десятков семей владели огромными угодьями.

Довольно непоследовательным было российское законодательство о праве частной земельной собственности для иногородних на Северном Кавказе. «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10.05.1862 г., существенно ограничивало право земельной собственности для лиц, не принадлежащих к войсковому сословию. Но в целях экономического развития войсковые земли, оставшиеся свободными после обеспечения наделами станиц, могли выставляться для продажи в частную собственность и для сдачи в аренду. Этой возможностью стали пользоваться некоторые из зажиточных иногородних (особенно купцы, фабриканты, предприниматели). Данное право реализовывалось с дозволения войскового правления и при условии внесения пользователем арендной платы за землю под постройками.

Послабления в этой сфере для иногородних появились после принятия закона «О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» от 29.04.1868 г. Таким образом, имперские власти в ходе начавшихся реформ предприняли первые шаги по правовой и экономической эмансипации иногороднего населения.

Тем не менее, либерализация данной сферы продолжалась недолго. В ходе контрреформ власти предприняли меры, ухудшавшие положение иногородних. Если по закону 1868 г. посаженная плата взималась лишь за земельные участки под строениями, то с 1892 г. иногородним предписывалось уплачивать данный налог за всю площадь земли, занятую не только постройками, но и двором, огородом, садом и т.д. По сути, данные положения были направлены на то, чтобы заставить иногороднего поселенца распродать собственность и покинуть казачьи земли. В ходе контрреформ также существенно ограничивались возможности иногородних с оседлостью,

проживавших в станицах, пользоваться общественными выгонами, сенокосами и т.д.

В 1888 г. власти также попытались запретить делить станичные юрты на паи в целях сдачи их в аренду неказакам, а затем вплоть до начала XX в. обязывали казачество не предоставлять иногородним в пользование земли на срок свыше одного года.

В то же время применение мер правоограничительного характера в отношении иногороднего населения было в значительной мере смягчено на практике. Это объяснялось тем, что в сложившихся условиях реальной жизни казачество само оказалось заинтересованным в экономическом сотрудничестве с иногородними. Казакам, которые часто не имели возможности самостоятельно обрабатывать свою землю из-за необходимости выполнять возложенные на них воинские повинности, выгоднее было сдавать свои наделы в аренду иногородним, чем оставлять её пустопорожней.

Характерной чертой земельных отношений на всей территории Кубани практически сразу после окончания Кавказской войны стало резкое увеличение числа хуторских хозяйств. При этом, если в 1868 г. для казачества был введен запрет (действовавший несколько лет) на самовольное образование хуторов, то иногородних он не касался. Это способствовало тому, что число хуторов, создаваемых иногородним населением на территории современной Карачаево-Черкесии, в 1870-1880-е гг. стало быстро расти. Они располагались как на арендованных участках, так и на купленных. Всего в начале 1880-х гг. в регионе Верхней Кубани фиксируется 37 иногородних хуторов, численность которых, как правило, варьировалась от пяти до нескольких десятков человек. В дальнейшем их количество неуклонно возрастало. В это же время их наибольшая концентрация наблюдалась в равнинных районах, что обуславливалось тем, что их население специализировалось на полеводстве.

В параграфе **2.4.** (*«Взаимосвязи иногородних с горским и казачьим населением»*) рассмотрены вопросы взаимодействия иногородних с другими народами и этнокультурными группами региона.

В процессе переселения на территорию современной Карачаево-Черкесии иногородние, естественным образом, расселялось по соседству с местным горским (адыгским, абазинским, карачаевским и ногайским) и казачьим населением. Как мы уже отметили выше, процесс взаимодействия между ними складывался далеко не просто. В силу ущемленного правового статуса, особенностей казачьего мировосприятия, расселения значительной части иногородних в станицах и других причин особенно не просто выстраивались взаимоотношения между ними и казаками. Тем не менее, иногороднее население не только сыграло свою роль в социально-экономическом развитии региона, но и в ходе интенсивных контактов с местным населением оказало на него определенное воздействие в экономическом, этнокультурном плане, одновременно само испытывая влияние горской и казачьей культур.

Отметим, что иногородние после переселения в регион перенимали многие черты казачьего и горского быта, сложившийся уклад межкультурной коммуникации. В их домах, естественным образом, появлялась казачья и горская утварь, изделия из шерсти. Они были вовлечены в распространенный в регионе обычай куначества. Однако в торгово-хозяйственной сфере иногородняя категория населения, зачастую, выступала в роли новатора.

Практически все исследователи интересующего нас периода и его современники единодушны в том, что иногородние заняли ведущие позиции в торговле региона. Это было связано во многом с тем, что и горцы, и казаки в описываемое время не рассматривали это занятие в качестве престижного и даже относились к нему с некоторым пренебрежением. Кроме того, значительная часть казаков не могла профессионально заниматься торговлей в силу занятости в хозяйстве и на военной службе.

В среде иногородних сложилась целая прослойка мастеров деревообрабатывающих промыслов – бондарей, кольщиков, колесников, драньщиков, пильщиков. Эта сфера была во многом монополизирована ими. Данное обстоятельство естественным образом вело к тому, что мастера-деревообработчики стали оказывать влияние на архитектуру казачьих и горских домов и хозяйственных построек, их отделку и украшения.

Успехи иногородних в аграрном секторе, в отдельных отраслях промыслового хозяйства стали оказывать влияние на местное горско-казачье население. Например, нам известно, что карачаевские скотопромышленники выводили новые породы путем метисации своего крупного рогатого скота с лучшими породными группами «макай» и «калантар». (Так горцы называли коров и быков, разводившихся в имениях Макеевых и Николенко). Аналогичным образом велась селекция лошадей. Иногороднее влияние сыграло существенную роль в животноводческих новациях горского населения и помимо сферы селекции. Так, вслед за русскими коннозаводчиками горцы: переходили от табунного коневодства к заводскому; заимствовали у русских магнатов тонкорунное овцеводство, получившее развитие преимущественно в степной зоне региона; переняли у русских специалистов практику ведения пчеловодческого хозяйства в ульях.

Под влиянием иногородних в горском и даже казачьем полеводстве появились новые зерновые культуры (например, гречиха), сельскохозяйственные орудия труда фабричного производства – косы и серпы, сеялки, веялки, сенокосилки, конные грабли, жатвенные машины, конные молотилки усовершенствованные плуги, металлические бороны, в станицах расширялись площади виноградников и т.д. Отметим, что два садовых питомника, имевшихся до революции на территории современной Карачаево-Черкесии – частный (промышленника Утякова) и общественный (при Сентинском женском монастыре) – также принадлежали иногородней категории населения.

Следует также отметить, что иногородняя практика создания товариществ по совместной обработке земли постепенно получила распространение в равнинных горских поселениях.

Имеются все основания полагать, что к моменту падения монархии села иногородних по уровню своего культурного, социального и экономического развития, по сути, мало чем отличались от казачьих станиц, и превосходили многие горские поселения.

В **Заключении** подводятся итоги, обобщаются результаты диссертационного исследования, предлагаются практические рекомендации.

**Основные положения диссертации изложены
в следующих публикациях:**

публикации автора в журналах, рекомендованных ВАК РФ

1. Косяшников, С.А. Иногородние поселения на территории современной Карачаево-Черкесии: возникновение, становление, развитие (вторая половина XIX - начало XX вв.) / С.А. Косяшников // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп: АГУ, 2019. – Вып. 4. – С. 51-59. (0,6 п.л.).

2. Косяшников, С.А. Правовое положение иногородних в казачьих станицах региона Верхней Кубани (вторая половина XIX – начало XX века) / С.А. Косяшников // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп: АГУ, 2020. – Вып. 1. – С. 49-57. (0,6 п.л.).

3. Косяшников, С.А. Вклад иногороднего населения в развитие сельского хозяйства региона Верхней Кубани (вторая половина XIX – начало XX века) / С.А. Косяшников // Манускрипт. – Тамбов: Грамота, 2020. – Т. 13. – Вып. 7. – С. 34-38. (0,6 п.л.).

статьи в других изданиях

4. Косяшников, С.А. К начальному этапу появления иногороднего населения Верхней Кубани / С.А. Косяшников // Известия Карачаевского НИИ им. А.И. Батчаева. – Черкесск: «Аланский Эрмитаж», 2017. – Вып. 13. – С. 28-30. (0,2 п.л.).

5. Косяшников, С.А. К истории возникновения переселенческих поселков юга Баталпащинского уезда (1860-1870-е гг.) / С.А. Косяшников // Известия Карачаевского НИИ им. А.И. Батчаева. – Черкесск: «Аланский Эрмитаж», 2018. – Вып. 14. – С. 28-30. (0,2 п.л.).

6. Косяшников, С.А. Роль иногородних в становлении торговли Баталпащинского отдела / С.А. Косяшников // Известия Карачаевского НИИ им. А.И. Батчаева. – Черкесск: «Аланский Эрмитаж», 2019. – Вып. 15. – С. 28-30. (0,2 п.л.).

7. Косяшников, С.А. Система самоуправления иногородних поселений на территории современной Карачаево-Черкесии (1870-1910-е гг.) / С.А. Косяшников // Алиевские чтения / Материалы научной сессии преподавателей, аспирантов и студентов Карачаево-Черкесского

государственного университета им. У.Д. Алиева (22-25 апреля 2019 г., Карачаевск). – Карачаевск: КЧГУ, 2020. – С 254-258. (0,2 п.л.).

8. Косяшников, С.А. Нормативная основа предпринимательства иногородних Баталпашинского отдела Кубанской области / С.А. Косяшников // Алиевские чтения / Материалы научной сессии преподавателей, аспирантов и студентов Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (16-20 апреля 2020 г., Карачаевск). – Карачаевск: КЧГУ, 2020. – С 280-285. (0,2 п.л.).

9. Косяшников, С.А. Удельный вес иногороднего населения в структуре населения станиц и аулов в регионе Верхней Кубани (вторая половина XIX – начало XX века) / С.А. Косяшников // Молодежные исследования и инициативы в науке, образовании, культуре, политике / Сборник материалов XV Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием (23-30 апреля 2020 г., Биробиджан). – Биробиджан: ПГУ, 2020. – С. 137-141. (0,35 п.л.).

10. Бегеулов, Р.М., Косяшников, С.А. Образование иногородних поселений «инородцев» на территории Верхней Кубани во второй половине XIX века / Р.М. Бегеулов, С.А. Косяшников // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты // Материалы XLVII-XLIX международной научно-практической конференции (Новосибирск, 04 октября 2021 г.). – Новосибирск: Сибак, 2021. – С. 13-17. (0,3 п.л.).